

A woman with dark hair is shown in profile, looking out of a window. The window is covered in raindrops, and the scene is bathed in a cool, blue light. She is wearing a plaid jacket. The overall mood is contemplative and melancholic.

16+

Алексей Бородин

Дневник ненависти

Алексей Петрович Бородкин

Дневник ненависти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63682136

SelfPub; 2021

Аннотация

Санкт-Петербург. Наши дни. Известный психоаналитик задумал убить свою жену. Естественно, "чистым" способом... и, по возможности, безболезненно. Однако Провидению было угодно свести психоаналитика с женщиной по имени Лариса, которая невероятным образом копирует жену Лудольфа. Не в плане внешности (хотя и внешне тоже), но в повадках и манере поведения в "дикой природе". Рассказ написан на стыке жанров: мелодрама, драма, саспенс, психология и криминал. Единственное чего вы не найдёте в тексте, так это любовь. Любви не осталось места в дневнике ненависти.

Содержание

Часть 1. Случай	4
Часть 2. Ближе	18
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Алексей Бородкин

Дневник ненависти

Часть 1. Случай

Из воздуха вылепилась фраза: "Как у моря погоды".

Ждать дальше было бессмысленно. Точнее так: продолжать тратить время – контрпродуктивно. Иван Генрихович посмотрел на часы (хотя был уверен, что прибавилось минут пять-семь, не больше), промелькнул глазами по приборной панели, будто бы часы автомобиля могли предоставить иную информацию.

"Не прибавилось, – подумал, – убавилось. Время – единственная природная субстанция, которая никогда не прибавляется, но всегда расходуется".

Мысленный мусор подтверждал, что уезжать не хотелось, хотелось надеяться... "упираясь пятками" в ночь, в чортовы кулички (Иван Генрихович припарковался на задворках Галлактики, в Петергофе, у корпуса университета), в бездорожье, в усталость... неприметную, словно кирпич в рюкзаке.

"Глупо! – подбодрил себя. – Глупо было приезжать без звонка. Что за ребячество?"

Синий логотип светился над первым этажом и казался

космической фантазией; огонёк банкомата (пульсирующий, жизнерадостный) смущал идеями о проститутках – вольных и самозанятых, приписанных к войску Стеньки Разина.

Машину обогнул молодой человек. В наушниках и с рюкзаком (приметы выхватились ярко).

"Студент", – определил Лудольф.

Следом прошёл второй студизус. В футболке с капюшоном и надписью "Боже, храни королеву!" – на английском. Ниже следовала приписка на русском (будто бы от руки): "и зятя её из Архангельска".

"Чорт меня подери!" – Лудольфу припомнилось собственное бесшабашное студенчество... притом не оформилось отдельными чёткими воспоминаниями, но накатило волной – матерински ласковой.

"Он уже не придёт, – признал поражение. – Глупо отрицать очевидное".

Дело в том, что во второй половине дня Иван Генрихович Лудольф почувствовал дьявольское вдохновение внутри себя, подъём. Посредством чего, он отстоял две "пробки", потратил час времени (с лишком), чтобы заявиться в Петергоф. Здесь, в корпусе матмеха, в полуподвале, среди монструозных электрических машин функционировал давнишний его приятель Леонид Ремезов – талантливый техник, энциклопедист, гитарист и певец Древней Греции (в философских её проявлениях). Лудольф изобрёл безобидный способ

уничтожить человека, Ремезов должен был изготовить этот прибор.

Поворот ключа, мотор пробудился, машина тронулась и, в ту секунду, когда Лудольф объезжал второго студента, он подумал, что... авария тоже вполне уместный вариант. Нет, давить человека машиною – моветон и пошлятина: "Надо признать, становлюсь пошляком... в другом только оформлении... что если устроить пикник? поехать за город, – нога придавила педаль, – разговориться в дороге... незаметно набрать скорость, чтобы потом... случайная поломка, кочка, препятствие на дороге, – ford вильнул, подчиняясь воле Лудольфа. – Удар в столб. Неприятность. Смерть пассажира".

Меж тем, вечер расцвёл совершенно. Сумерки нежились лениво и сочно, напоминая топлёное коровье молоко. С Невской губы тянуло питательной вонью, соловьи-первогодки начинали свои трели со свиста, надеясь побить матёрых бойцов-конкурентов. Из окна общежития на третьем этаже высунулась девушка (Лудольф был уверен, что она красива), махнула рукою (Лудольф был уверен, что ему), послала воздушный поцелуй.

"Инсценировать выпадение из окна тоже весьма несложно", – откликнулась мысль.

Лудольф оглянулся на девушку, и едва только голова его вернулась в естественное положение – перед машиной

вспыхнула фигура.

Тормозить не оставалось времени, Лудольф воткнул педаль "газа" в пол, навалился на руль – машина кинулась на поребрик, через мгновение он отвалил рулевое колесо в противоположную сторону, ударил по тормозам.

С визгом шин, с резиновой вонью, с жалобным стоном, ford исполнил приказание хозяина: вильнул задницей, остановился.

На асфальте живописно раскинулся труп.

Вечер не переставал быть томным, вечеру было плевать на аварию и новоиспечённого покойника. Огонёк банкомата помаргивал, студентка исчезла в глубине комнаты – её ждали партнёр, музыка и далёкая призрачная сессия. Лудольф выскочил из машины, бросился к убиенному.

С одной стороны, Лудольф был уверен, что не задел человека сильно. С другой – явственно видел в зеркало, как рухнуло тело; голова жертвы ударилась о поребрик, отскочила... напоминая капустный кочан.

Фантазия живописала детали: кровяца, черепная коробка, без сомнения, треснула и серое вещество, обильно растекаясь, замазало асфальт и траву...

Женщина.

Молодая.

Копна волос.

Светлая. Чуть солнечная.

Дрожащие ресницы.

Пальцы.

Чёрт вас подери! Эти пальцы!

"Какие тонкие, – отметил машинально, – породистые. Боже, как она молода! Нет-нет-нет!"

Требуя, чтобы мозг успокоился, Лудольф несколько раз глубоко вздохнул, вдарил себя кулаком в середину лба и подхватил женщину на руки. Понёсся аллюром к университету, благо, тыльные двери здания располагались неподалёку.

В ту пору (в тот день) вахту по корпусу несла Наталья Васильевна Третьякова. Ей было пятьдесят семь лет от роду, она вырастила двух дочерей, имела (в забытом прошлом) высшее образование и тягу к творчеству. В настоящем – проблемы с поджелудочной железой (через дочек и пьющего мужа), плюс скверный характер, склоняющийся к мизантропии. Поддерживать жизнедеятельность организма женщине помогали воспоминания, и, надо признать, Наталья Васильевна имела роскошное прошлое: была Красавицей города Ростова, покоряла красотой Ниццу, имела шанс стать популярной певицей и замечательно танцевала "ламбаду".

Парадокс заключался в том, что многие "двери" открывались для Третьяковой через её мужа – бизнесмена и запойного алкоголика. Через него же закрывались другие важные двери.

Наталья Васильевна адекватно оценивала себя и своё окружение, посему лелеяла знакомство с Лудольфом, как

"соломку" для будущих тёмных времён – всегда уместно иметь в запасе толкового психолога.

...Руки были заняты, Лудольф развернулся и начал колотить в двери пяткой. От установившегося колокольного звона желчь моментально взыграла внутри вахтёрши, Третьякова отомкнула и, обежав фигуру Лудольфа взглядом, спросила:

– Решил потрахаться? Чего вдруг?

– Чего ты городишь? – опешил Лудольф. – Пьяна?

Он навалился плечом на дверь, придержал её, и вошел аккуратно, присматривая, чтобы голова жертвы не ударилась о косяк.

– Вызови... – заговорил, но оборвал фразу. Способность мыслить вернулась к Лудольфу вполне, и трезвое разумение подсказывало, что "Скорая помощь" может оказаться лишней. – погоди, не звони никому.

– Понимаю, – ухмыльнулась Третьякова. – Постой паровоз, не стучите колёса. Пользуй бабу, пока она тёплая. Коран позволяет.

Лудольф поморщился и попросил ключи от кафедры:

– От сто второй комнаты, пожалуйста.

Пока Третьякова возилась с ключами, спросил (чтобы сменить тему) о заведующем кафедры (когда приходил, как себя чувствует, не собирается ли на пенсию). Затем обещал позвонить:

– Я перезвоню тебе на днях, – молвил. – У меня есть вопрос, Наташа.

И сразу же мысль: "Зачем я это сказал? Ведь можно было нейтрально выйти из разговора".

Двадцать шагов по коридору, поворот, вверх по лестнице; лабиринт меж деревянных ящиков с неопознанным оборудованием, ещё тридцать шагов... держать курс на запах (рядом с кабинетом кафедры базировалась мужская уборная).

"Глупость сморозил, зачем обещал позвонить? Растерялся?.. Не-ет, парень, этому явлению соответствует иное определение. Ты доигрался! – язвила мысль. – Просто-напросто! Хотел занять покойника? Вот он! Получи его! Ешь его, свеженького! Наслаждайся!"

На кафедре ничего не изменилось: залепленное зелёным стеклом окно, диван (сколь же изношенный, столь и заслуженный), пластиковое деревцо с тёмной биографией, портрет Луначарского, вдоль стены – бесконечной длины стол для сабантуев...

/стол был куплен у старьёвщика и установлен Андреем Отченашенко в день его защиты (Андрей защищал диссертацию). Вечером планировалось Событие "обмыть", и стол был роскошно накрыт, но... у Андрея случилось прободение язвы, он умер в карете Скорой помощи, так и не узнав, сумел ли он стать кандидатом.

Лудольф уложил покойницу на диван, метнулся к кулеру. Кулер оказался сух, как пустыня, однако вода обнаружилась в чайнике – алюминиевом чайнике с карболитовой ручкой.

"И что теперь?.. Что ты собираешься делать? Поить из чайника труп?"

В обстоятельствах маячил "идейный разлом", граничащий с идиотизмом: Лудольф вёл себя и пытался воздействовать на женщину так, будто она была жива, однако мадам погибла – совершенно очевидно.

"Пульс. Нужно прощупать пульс", – мысль здравая, однако Лудольф игнорировал её. Осмотрел свои ладони на предмет пятен. Крови не нашел.

"Можно избавиться, – подумал отчётливо и жёстко, – утопить в заливе. Это нетрудно. Главное, продумать, как оградить Третьякову... она баба болтливая, если допросят – выложит всё".

Часы пробили девять; Лудольф вздрогнул и оглянулся – он совсем позабыл о них, о "безбашенных ходиках со средним образованием" (определение хохмача Отченашенко). Часы звонили долго и нудно – выматывали душу. Когда звон смолк, стало тихо, как в раю: по закатному лучу струилась пыль, подчёркивая своим присутствием утвердившуюся тишину и пустоту: тлен к тлену, прах к праху...

– Я умерла? – спросила покойница.

Она медленно поднялась и села на диване. Глупо улыбалась и поправляла причёску.

Лудольф перевёл на неё взгляд и попытался сфокусироваться. Нет, он не задремал, но задумался... ни о чём конкретно, и обо всём одновременно: "Перекрёстки Жизни незаметны. На них не играют оркестры и не разрезаются атласные ленточки. Среди свитков, висящих на стене у господина Наосигэ, был свиток со словами: "К важным делам следует относиться легко". Увидев этот свиток, мастер Иттэй добавил: "К несущественным делам следует относиться серьезно". И это правильно... моя сегодняшняя фантазия привела к серьёзным последствиям, а десять лет проектирования бисинхронного генератора вылетели в трубу..."

Он сидел за своим столом. На своём родном стуле. Рядом со своей (серой, плюгавой, противной и своенравной) лампой. Лудольф покинул кафедру двадцать пять лет назад тому, однако никто не покусился на его "роскошество".

"Может быть, кто-то сидел на моём стуле... хранил бутерброды в ящике моего стола?"

Лудольф вытянул шуфлядку: из угла в угол перекатился синий химический карандаш, и только.

– Я умерла? – повторила женщина. Указала на Лудольфа пальцем и сказала, что очки ему совершенно не идут.

– Я знаю, – откликнулся мужчина.

– Зачем же вы их носите?

– Именно для этого, – Лудольф встал, подошел ближе. – Человек видит во мне изъян и задаёт вопрос. А потом...

– Что потом? – она приподняла бровь. – Суп с котом?

– Между нами протягивается ниточка, – говорит Лудольф. – Совершенство пугает. Дефекты привлекают. Как вы себя чувствуете?

Она потянулась (надо отдать должное, изящно, словно русалка), ответила, что по ней, по всей видимости, проехал трактор:

– Или паровоз. Или меня всю ночь били палками. Вы знаете, в Древнем Китае практиковали подобное истязание.

Беседа сваливалась в неудобную тему, Лудольф "поставил подножку":

– Как вы оказались в Петергофе? – спросил. – В столь неудобное время? В столь неприятном веке?

– Я... – она задумалась. – Я не знаю. Я убежала от мужа. Взяла такси, но денег не оказалось, тогда я села на электричку. Долго тряслась в тамбуре, а потом...

– Потом?

– Потом, меня атаковал кондуктор. Требовал билет и нахамил.

– Билета, полагаю, вы не предоставили, и тогда?.. – Лудольф завесил лицо нейтральной маской, хотя ему хотелось улыбнуться.

– Меня высадили на первой попавшейся станции, – она развела руками. – Очевидно же!

Мадам, вне сомнений, была жива, как минимум, и здорова. Лудольф попросил её поднять поочерёдно руки и ноги, присесть и глубоко вздохнуть. Наконец, он позволил себе человеческую эмоцию. Она моментально обиделась, приняв его улыбку на свой счёт:

– Чему вы смеётесь? Моему внешнему виду? Это низко!

– Нет-нет, что вы! Напротив! – он взял её за руки (недопустимая роскошь!), ответил, что его радость самого искреннего, чистого свойства: – Вы напомнили мне одну студенческую байку... то есть быть. Я учился в этих краях, и даже работал... какое-то время.

– Да?

– Да, – подтвердил Лудольф. – Вы знали, что в прежние годы платформы "Университетская", где вас столь беспардонно высадили (он опять улыбнулся, чувствуя, что подсадил её на крючок любопытства), не существовало? Чтобы попасть на занятия студенты должны были проехаться до платформы "Мартышкино", а затем возвращаться пешком... минут двадцать или тридцать, в зависимости от времени года.

– Это неудобно, – согласилась она.

– Сверх всяких приличий! – Лудольф вскинул плечами; указательными пальцами он попытался нарисовать в воздухе карту железнодорожных сообщений, получилось нечто вроде "креста животворящего". – Но, согласитесь, невозможно заставить ленивого студента ехать вперёд, чтобы потом

возвращаться назад. Нонсенс! Парадокс! Студенты дёргали стоп-кран, не доезжая до "Мартышкино".

– Вот как? – она недоверчиво посмотрела ему в глаза, не увидела шельмования, и согласилась, что такой вариант весьма уместен: – Жаль, я не додумалась до подобной диверсии.

– Притом она совершалась регулярно, – продолжил Лудольф. – Систематически. Железнодорожники жаловались руководству университета, но что седые старцы-деканы могли поделаться с жизнерадостной хулиганской братией? День ото дня, ситуация только усугублялась. В какой-то момент, студенты сообразили, что и обратно, в Питер... в смысле, в Ленинград, можно возвращаться не возвращаясь в Мартышкино.

– А как?

– Очень просто: на "заклание" выделялся один студент-оболтус (или отличник... что, в сущности, одно и то же), он... или она, сбегала с последней половины пары, шла в "Мартышкино", садилась на электричку, около универа срывала стоп-кран. На борт "электрона" взбиралась вся остальная честная компания, и шпарила домой. -

Он ещё раз посмотрел на свои ладони.

В кабинете стало совсем темно, требовалось либо зажечь свет (что означало перейти на новый уровень отношений), либо...

– Вас подвести? – спросил Лудольф. Признался, что очень

устал: – День был длинным. Я еду в сторону Ручьёв, могу подбросить.

Она приняла приглашение, начала приводить себя в порядок, попросила расчёску. Лудольф отдал свою и подумал, что следует внятно выйти из корпуса: "Третьякова должна нас заметить и рассмотреть".

Пока прогрелся двигатель, в паузу, Лудольф спросил, как зовут её (имени требовала логика расставания). Она ответила, что друзья называют её Кларисс.

"Пусть так, – кивком согласился Лудольф; интерес к этой дамочке угасал. – Случаются и такие обострения".

– Меня зовут Иваном, – протянул визитку. – Чужие и близкие.

Он специально придерживал в портфеле комплект старых, "просроченных" визиток. В них был прописан несуществующий адрес и телефон – с ошибкой.

– Красивая!

– Что?

– Я говорю, красивая визитка, – она понюхала карточку, заметила, что на ней не отмечена должность.

– Разве? – Лудольф "огорчился", сказал, что работает в администрации. Организовывает детские праздники для многодетных семей.

– Какая изумительная должность! – воскликнула она.

– Согласен.

Ford тронулся и поехал довольно резво, невзирая на ущербный асфальт и темноту. Через минуту закапал дождь, сперва робко, точно прощупывая обстановку, затем – опустилось стеною. Лудольф сосредоточился на дороге, Кларисс смотрела по сторонам. От дождевых капель городские огни тушевались и перемешивались, как в калейдоскопе – творилась Новая Реальность.

Часть 2. Ближе

Пятница – день донатов.

Положа руку на сердце, эти значимые люди присутствуют "в портфеле" каждого практикующего психолога (хотя их наличие скрывается... во всяком случае, не афишируется).

Донат бывает молод... или стар. Хорошо образован или невежда. Мужчина или женщина. Агрессивен или спокоен, как медуза.

Сквозь многообразие образов, меж тем, общие характеристики проглядывают очевидно. Лудольф выхватил эти признаки на заре своей практики, и даже, по доброте душевной, поделился с кем-то из коллег (непозволительная глупость!).

Исходные "данные" практически не менялись. Донат обязан быть раскрепощён финансово (иначе, какой он донат?). Он не удовлетворён (в самом широком смысле этого слова, от секса до отсутствия вокальных данных). Не уверен в себе (пункт кажется сомнительным, но он абсолютен в своей глубине). Амбициозен.

Следом идут "вторичные признаки": маниакальная опрятность, мелочность (в смысле внимания к мелочам), упрямство.

С двух часов дня Лудольф беседовал по телефону с Ан-

фисой Андреевной, а затем и с родным её внуком Артёмом (отроком возраста Ильи Муромца и характером мягкой карамели). Старушка имела значительное состояние, оставшееся от её сына – отца Артёма (это плюс). Из минусов наследовалось вот что: Артёмка, время от времени, срывался с катушек и начинал чудить.

Если подходить к проблеме строго, расстройство Артёма носило клинический характер, и лучшим местом для его лечения была наркологическая клиника. Но ведь это жестоко! "Как там будет мой Тоша? Там так грубо!" – Анфиса Андреевна вскидывала сухонькие лапки, и кудахтала, временами переходя на французский.

Другое дело – Лудольф. Он большой, он мягкий, он понимающий... у него на носу висят такие глупые очки...

/к слову, очки выполнены из черепахового панциря по заказу

...но ведь это мелочи. Лудольф выслушает, напишет рецепт... или сразу одарит спасительной таблеточкой.

Когда "сходились звёзды", Артём начинал пить. Алкоголь совершенно изменял сущность молодого человека. Лудольф наблюдал, делал записи, однако не мог ухватить "точки преткновения" – на каком пункте доктор Джекил становился мистером Хайдом. Была даже мысль, что всё наоборот: это в трезвости лживый мистер Хайд составляет/подделывает характер молодого человека, а прямолинейный доктор Джекил

прорывается, пользуясь опьянением... но это только гипотезы... тем более, что считать пьяного Тошу прямолинейным не получалось, даже с серьёзной натяжкой.

Выпив в ванной комнате жидкости для мытья окон (бабушка Анфиса не подозревала, что эти безобидные флаконы являются "запалом беды"), Артём моментально и качественно изменялся. Он не крушил витрин – ничего подобного! – и не пытался спасти Вселенную от пришельцев...

/к слову, принимая во внимание напор и красочность современных кинофильмов, плеяда "спасателей" и "людей X" вот-вот должна появиться в психиатрических клиниках

...Артём действовал последовательно и методически. Первым шагом, он запирает бабушку в шкафу...

/Лудольф видел этот платяной шкаф (он же – тюремная камера). В просторной "сталинке" он занимал шесть квадратных метров (или около того), и в нём можно было жить не особенно стесняясь.

...затем начинал пить. Пил он дорогие алкогольные напитки.

Однако, не об этом речь. Миллионы россиян мужского пола закрываются от жен в комнатах, уходят в гаражи, прячутся в погребах и начинают бухать изо всех своих, отпущенных Природой на благие дела сил. Интересно было наблюдать качественное превращение индивида: Артём становился мелочен, цепок, злопамятен, агрессивен (эдакий мелкий вьедливый грызун). Плюс, чрезвычайно гипертрофиро-

валась алчность. Артёму было жаль делить элитный алкоголь с кем-либо ещё (даже с собственным психоаналитиком). При этом – вот настоящая каверза подсознания! – страстно хотелось говорить. До судорог. До дрожи.

Говорить, рассказывать, делиться мыслями, вещать о будущностях России.

Лудольф поддакивал. Больше слушал. Примечал. "Ставил подножку", когда требовалось направить запой в нужное русло.

...Хотелось тишины, высоких сосен в самое небо и солнца. Тёплого песка под ногами – всё вместе и в произвольных пропорциях.

"Кой чёрт? – Лудольф запустил в шевелюру пальцы. – Какое русло может быть в этом бреде?.." – сегодня беседа с Артёмом особенно утомила. Вымотала. Лудольф откинулся на спинку кресла, уронил голову на грудь и вообразил, что лежит среди бранного поля... сердце пронзено стрелой... войска врагов откатились, и его добрые верные ратники мчатся на злых конях вперёд... но всё это там – за холмом и за оврагами, я ему, уставшему и убиенному, можно спокойно лежать здесь... впитывая влагу земли и ласку травы.

Тенькнул телефон. Внутренний номер. Лудольф, не открывая глаз, поднял трубку и проговорил:

– Марго, оформи, пожалуйста, счёт на Анфису Ростову. На... – он загнул такую невероятную сумму, что сам на мгно-

вение ужаснулся. Потом сообразил – бесполезно! – всё одно оплатят, и ничего не изменится, только себя будешь чувствовать свиньёй фиолетовой. Скинул "крайний ноль", решив, что симь примириши.

– Иван Генрихович, – проговорила секретарь. – К вам посетитель.

– Какого чёрта? – опешил Лудольф. – Гони босяка в шею! С легавыми! Спусти его с крыльца! Загони под лавку!

– Она намекает на особые обстоятельства, – с нейтральным позитивом проговорила Маргарита (школа! недаром он выбрал в секретари именно эту девицу). – Утверждает, что вы встречались в прошлую субботу.

Лудольф притих, мгновение молчал, собирая мысли в комок и припоминая обстоятельства прошлой субботы. Расслабиться не придётся – это очевидно, – Лудольф поправил галстук и несколько раз растянул губы, подготавливая мимические мышцы.

Откликнулся:

– Что ж ты молчала? Зови! – Тон самый беспечный, бо даже близкие люди не должны догадываться о проблемах.

"Как пёс её звали?.. Матильда... Инесса... Кларисса... кажется так".

Кларисса вошла в кабинет. На голове мадам несла шляпку из бычьей кожи, скроенную на манер ковбойского стетсона... только с узкими полями, лаковым бэндом и прито-

роченной вуалеткой. Сочетание казалось противоестественным, диким, однако – отдадим справедливость достоинству – выразительным и чувственным. "Леди Годива", – определил Лудольф.

Он вышел из-за стола, поднял руки. Слов не произносил, ибо каждое сказанное слово – улика.

– Здравствуйте, Иван Генрихович, – проговорила Годива. – Вас нелегко было найти, однако я сумела.

– Вот как? – нейтрально откликнулся он.

– Честно говоря, найти вас не составило труда, – она подняла вуалетку. – В узких кругах, Иван Лудольф – личность легендарная, чуть ниже рангом, чем Юнг и Фрейд. Я сама пыталась записаться к вам на лечение... вы ведь не протестуете против слова "лечение"?

– Ну, что вы! – улыбнулся он и опять показал открытые ладони.

– Однако я была отставлена, как... как... кстати, почему вы мне отказали, Иван Генрихович?

– Не убеждён, что это именно "кстати", и... не могу ответить на ваш вопрос, – он тронул пальцами висок (жест имитировал неуверенность). – Мы можем уточнить у секретаря... если это имеет принципиальное значение.

– У этой валютной девицы?.. – Кларисса махнула перчатками себе за спину. – Впрочем, это не моё дело.

– А когда вы... – Лудольф описал указательным пальцем окружность. – Ко мне...

Она ухватила суть вопроса: – Примерно, года назад, – отозвалась.

– Прекрасно! – груз свалился с плеч. – Уверен, вы уже прошли курс терапии... с тех пор.

– И очень качественный, – подтвердила она.

– И, тем не менее, – интонацией Лудольф отметил своё участие, – вы здесь.

– Мне хочется поговорить, – ответила Кларисс. – Учитывая способ, каким свела нас Судьба, я имею на это право. Не так ли?

– Поговорить... о чём?

– О чём угодно! – она расцвела, ощущая, что первый рубеж его обороны преодолён. – О театре, о кино, о литературе, о живописи... Я немного рисую, вы знали об этом? Конечно же, нет!

– Нет, – подтвердил он. – Я не знаю о вас ничего. Расскажите, мне очень интересно. – Тайком посмотрел на часы.

Лариса начала говорить...

/к слову, Лудольф не сомневался, что пафосное наименование "Кларисс" родилось из простоватого имени "Лариса"

//ещё более к слову, Лудольф не находил ущербности в имени Лариса.

"Лариса, Ларочка, Лари... – Она о чём-то рассказывала, а он, кивая и слушая вполуха, катал на языке её имя, – Лари – это шажок в сторону англосаксов. Ларюська – более нежно... Ларюська-Марюська... наконец, монументаль-

ное – Ларёк. Редко которое женское имя способно сокрушить этот могучий фронт коннотаций – Ларёк... впрочем, может статься, именно от него она и прячется".

– Несколько лет назад, я потеряла мужа.

– Сочувствую.

– Потеряла, и обрела вновь. Посредством живописи.

– Не понимаю, – выговорил Лудольф. – Нового мужа? – предположил.

– Прежнего! – Лариса/Кларисса ликовала. – Он пришел на мою выставку, увидел мои работы и обомлел.

"Воображаю себе", – подумал Лудольф и красочно выразил своё восхищение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.